

ЛАДА ЛУЗИНА

Киевские ведьмы Ангел Бездны

F FOLIO Продано больше 100 тысяч!

Лада Лузина
Ангел Бездны
Серия «Киевские ведьмы», книга 8

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4402155
Лада Лузина. Ангел Бездны: Фолио; Харьков; 2011
ISBN 978-966-03-5666-5*

Аннотация

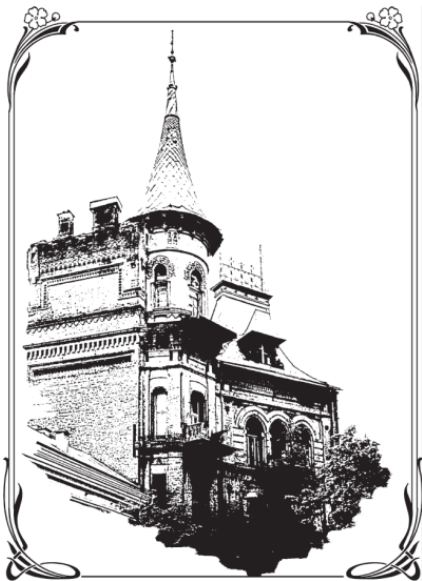
На киевской Лысой горе, где покоится заброшенное церковное кладбище, неизвестные раскопали могилу монаха. А за день до того, в свой собственный день рождения, пьяная дочь бизнесмена жестоко убила отца. На первый взгляд кажется, что эти события совершенно не связаны. Но лишь до тех пор, пока, отправившись на антикварный аукцион, красавица Катя не находит там картину забытого киевского художника – "Дух Бездны"...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

42

Лада Лузина Ангел Бездны

Начало XX века

Мужчина сделал шаг и замер на пороге – глаза не верили, сердце застыло, надеясь на безумие. Его девушка лежала на диване в нелепой, неприличной позе – с расставленными ногами, выгнутой спиной, запрокинутым горлом. Черные чулки были спущены, запертая в корсет грудь тяжело вздыма-

лась, из горла вылетал стон. А рядом с ней лежала высокая черноволосая дама. Рука дамы терзала девичью грудь, губы жадно впились в ее губы.

Он не смог бы сказать, что испытывает сейчас – ужас, отвращение, восхищение? Он просто стоял и смотрел до тех пор, пока черноволосая не подняла лицо, не взглянула прямо на него.

В этот миг его сердце остановилось...

* * *

Начало XXI века

...свернув на середине Андреевского спуска, женщина поднялась на Лысую Гору. Киевляне знали Гору как Замковую – но она была Лысой. А женщину в общественном месте наверняка бы окликнули: «Девушка...». Но она была женщиной, и Гора знала об этом.

Гора знала: женщина идет сюда, потому что не может не идти – ее ведет нечто, неподвластное ей. Гора желала б не пустить ее, и на литых металлических ступенях многомаршевой лестницы, ведущей на Замковую, сиял охранный узор. Но со временем узорные ступени изнашивались, их заменяли обычными – последних стало больше – и теперь лестница не могла сдержать женщину, идущую на Лысую Гору.

За женщиной шел туман. Туман окутывал ее фигуру, как бесплотная белая шуба, как огромный кокон сладкой ваты

– туман делал ее невидимой для других. Иначе кто-нибудь непременно задал бы вопрос, зачем женщина, взбирающаяся на Лысую Гору, тащит с собой лопату и труднообъяснимый продолговатый предмет, завернутый в темную ткань.

Взобравшись на вершину, женщина перешла по узкой тропинке на дальний отрог. Послушный туман рассеялся, и она огляделась. Слева Киев головокружительно падал на 200 метров вниз – к засыпающему серому Днепру, справа – взлетал вверх, к подпирающим низкое октябрьское небо Андреевской церкви и тяжеловесному музею истории Украины. За спиной женщины киевскую Лысую Гору обнимала фешенебельная, как крохотный европейский городок, новая элитная улица Воздвиженская, перед пришедшей, на вершине горы, стоял круглый каменный алтарь родноверов и камни с надписями: «Громадський жертovníк», «Пожертва ваша хліб і молоко...».

Возвышенное и земное, языческое и святое, гламурное и гранитное – сошлись в древней точке силы. Но женщину не интересовала сила Горы. Не обнаружив вокруг ни одного человека, она пошла дальше – в крохотную пегую рошу, где умирало старое церковное кладбище.

Давным-давно некрополь окружал Троицкую кладбищенскую церковь Флоровского монастыря. Но церковь не устояла на Лысой Горе – была разрушена в 30-е годы, и ныне заброшенное дореволюционное кладбище имело вид затаившийся и зловещий. Его можно было и не заметить – ство-

лы тонких, оголенных осенью темных деревьев сливались с такими же тонкими, потемневшими металлическими крестами. Лишь на немногих могилах сохранились таблички с полусъеденными временем буквами, большинство оградок казались пустыми – могилы, которые они защищали, давно сровнялись землей, землю скрыл ворох листьев. К монастырю бежала узкая дорога, почти стертая с лица ведьмацкой Горы.

Женщина переступила поваленное бурей дерево, остановилась, подняла глаза вверх. Кроны деревьев уже не заслоняли свинцовое небо, а земля во влажных и желтых осенних сугробах стала вязкой от многослойной листвы. Шорох ее шагов мешал пришедшей на Гору услышать нечто, доступное ей одной... Она замерла, а секунду спустя бросилась, вздымая листья, к оскверненному разноцветным граффити серому склепу.

Рядом с ним стояла косая, сплюснутая временем оградка, утопшая в рыжей листве, – как и во многих других, внутри нее не просматривался даже холмик могилы. Пришелеца перешагнула через тонкие низкие прутья ограждения, расчистила ногой уже покоричневевшие листья... Постояла, вглядываясь в освобожденную землю.

– Да, – взбудораженно сказала она. – Это ты... Как долго я тебя искала, любимый!

Она воткнула в землю лопату, аккуратно поставила продолговатый предмет и, сдернув черную ткань, установила на

могиле большое старое зеркало в почерневшей серебряной раме.

Все прочее скрыл туман, рухнувший на Лысую Гору, как громадное, сброшенное с неба пуховое одеяло.

* * *

– Ты представляешь, мужу приснилось, что жена ему изменяет. Так он проснулся и задушил ее спящей! – Даша Чуб помолчала, ожидая реакции.

Катя молча поправила перед зеркалом тяжелый узел темных волос.

– Или вот, представляешь... Муж бросил жену после того, как она родила ему тройню. Пока та лежала в роддоме, подал втихаря на развод и слинял в другой город. Ничего себе сволочь?!

Катерина приподняла руки и, выпрямив пальцы, взыскательно осмотрела свои бесценные кольца-модерн.

– Так того, убийцу, хоть посадили в тюрьму, – примолвила Чуб. – А сбежавшему что вообще будет?.. И весь этот беспредел в нашем Городе, Киеве! Тебе не кажется, что мы должны им заняться?

– Кажется, – подала голос Катерина Дображанская. – Мне кажется, что ты лезешь на стену от безделья. Ты вроде победила на каком-то песенном конкурсе. И где твой жених, наш бесценный Демон?

– Сама знаешь, что Киевский Демон пропал. И во-о-ще он не мой, он Машку любит. А про конкурс... Скоро узнаешь, – загадочно посулила Землепотрясная Даша.

– Ясно, – поняла ее по-своему Катя. – Тебе стоит подыскать себе серьезное дело. Например, найти работу...

– Значит, дело брошенной матери троих детей не кажется тебе серьезным? – отбила выпад Чуб.

– Мне кажется, – отпарировала Катерина Михайловна, – если человек начинает выискивать свои проблемы в газетах, то это уже диагноз.

– Ах, вот как?! – обиделась Землепотрясная Даша. – Тогда послушай вот это... «Белую фигуру толстой Дамы видят в окнах Башни на Ярославовом валу, 1. Городская легенда рассказывает, что первый владелец дома шляхтич Подгорский построил его для своей любовницы. Видимо, он предпочитал крупных женщин. Но любовь вскоре прошла, и с горя женщина наложила на себя руки. С тех пор ее бедный дух бродит по дому-замку...»

– Что за гадость ты читаешь? – не выдержав, Дображанская подошла к Чуб и, вынув газет у из ее рук, взглянула на первую полосу.

«Неизвестный Киев» – интриговало название издания. Под ним красовалось с десятков мелких и четыре жирных заголовка: «Через неделю начнется застройка Пейзажной аллеи?», «На Замковой горе неизвестные раскопали могилу монаха», «В окне дома на Ярославовом валу, 1 видели при-

видение Белой Дамы», – а также фото с призывом «Помогите найти» и сообщением «В свой день рождения пьяная дочь бизнесмена зарезала отца».

– Точно, диагноз, – окончательно уверилась Катя. – Как ты могла купить такую бульварную чушь?

– Как ты носилась с газетой про апокалипсис, так это нормально. А как я, так сразу «брось каку»... Интересно ж, они про нашу Башню писали. И почему ты считаешь, что у нас не может жить привидение?

– Достаточно того, что здесь живем мы. Киевицы, ведьмы, черти, Демон. По-моему, жилплощадь занята. – Катерина взглянула на готические окна Башни Киевиц и сощурила глаза.

Осень овладела Городом. Погода была по-осеннему сонной. И вроде не туман, а соседний дом за окном казался размытым как акварель. Улица Ярославов вал точно затихла в предчувствии последнего – смертельного – акта. Природа умирала. Осеннее Макошьё вот-вот должно было смениться часами Коротуна.

– И то, что Пейзажную аллею скоро застроят, тебя тоже не волнует? – нанесла Чуб удар слева.

– Нет, раз это не волнует наш Город. – Дображанская бросила газет у обратно на стол и вернулась к высокому зеркалу. – Если б Киеву грозила беда, он дал бы нам знать. А раз он дал нам отгулы, значит, либо статья – газетная утка, либо так надо... Ты ж знаешь, добро не всегда отличимо от зла.

Ой... – Катя положила руку на грудь. – Что-то в сердце кольнуло.

– А я что говорю! – подняла палец Даша. – У нас в Башне происходят паранормальные явления.

Словно в подтверждение ее слов, три кошатины – белая, рыжая и черная, – мирно спящие на диване и креслах, разом вскочили, выгнули спины и зашипели.

– Видишь! Вот видишь! – возликовала Землепотрясная. – Кошки всегда реагируют на привидения. Тут ходит призрак Белой Дамы. Пуфик, ты видишь ее? – обратилась она к рыжей кошке.

– Мя-уууу, – недружелюбно сказала Изида Пуфик, хотя обычно предпочитала французскую или, на худой конец, русскую речь.

– Ждите гостей! – выгнув спину коромыслом, прошипела обычно уравновешенная блондинка Белладонна. – Зовите Васю-у-у...

Черный кот Бегемот издал целую россыпь недовольных звуков и с топотом бросился в кухню. Кошки помчались за ним – там их поджидала открытая форточка.

– Слыхала я, что крысы бегут с корабля, но чтоб кисы из дома... – проводила их Чуб озадаченно-заинтригованным взглядом. – Что ж тут происходит?

– Что ж, звони Василесе, пускай объяснит, – сказала Катя. – У меня важное дело.

– И куда ты так вырядилась?

Слово было не особо удачным – наряд раскрасавицы Кати был дивно простым: темный костюм с длинной юбкой и приталенным пиджаком. Но блуза с воротником из жемчужно-серых винтажных кружев и десять громоздких колец в магическом стиле Модерн, утяжелявшие Катини пальцы, делали облик Дображанской почти вызывающе прекрасным.

– Я иду на антикварный аукцион. – Катерина поправила спикировавшую на лацкан ее пиджака современную брошь-бабочку с крылышками из разноцветной эмали.

– Новая? – заценила Даша.

– Только купила, – Дображанская скосила глаза. – Надо же, я и не заметила, что у нее в центре бриллиантик.

– Бриллианты, они вообще такие незаметные, скромные, – активно закивала Чуб, – особенно если у тебя их целый шкаф. Дай угадаю, на аукционе продается еще одна цацка-печка в стиле Модерн?

– Нет, две картины Вильгельма Котарбинского, – с ноткой капризности произнесла Катерина и завершила с сомнением: – Может, куплю Маше в подарок. Ты хоть помнишь, что сегодня у нее день рождения?

– Я что, склеротичка? А кто такой Котарбинский?

– Один из художников, расписавший ее любимый Владимирский собор. Маша тебе лучше расскажет.

– И это твое важное дело?

– Ну, если у тебя есть дела поважней...

– Конечно, – Чуб выпрямилась с оскорбленной газетой в

руках – загнать уже забурлившие намерения Землетряс-ной под лавку было непросто, точнее – невозможно вообще. – Я – Киевица. И если у меня в Киеве бросают и душат женщин, это имеет ко мне прямое отношение!

* * *

– Рад вас видеть!

Едва Катерина Дображанская взяла со стола каталог, рядом с ней образовался хозяин Аукционного Дома – Вадим Вадимович Водичев. Избранных, посещавших его антикварные аукционы в маленьком дореволюционном особнячке над Подолом, было немного, и он считал своим долгом обхаживать каждого:

– Жаль, что вас не было в прошлый раз...

Левый глаз хозяина прикрывала черная шелковая повязка. Говорили, что в свое время он чересчур увлекся опасной охотой, иные судачили, что он просто интересничает, желая привлечь внимание прессы. Но дороговизна вещей, с которыми он имел дело, мешала Кате уличить его в столь дешевом пиаре.

– Однако сегодня я не сомневался, что вы придете, – сказал Вадим Вадимович.

– Отчего же?

– Вильгельм Котарбинский, – хозяин выговорил фамилию так смачно, словно успел облизать языком каждую букву. –

Мистическая личность. Один из ярчайших символистов стиля Модерн. Модерн, – произнес он так, словно был влюблен в это слово и собирался сделать ему предложение на днях. – Ваше пристрастие.

– Хотите сказать, мой бзик? – саркастично спросила Катерина. – Об этом уже знают все?

– Круг истинных ценителей живописи очень узок...

– Признаюсь, я не жалуяю живопись, – сказала Дображанская.

– А как же акварель княжны Ольги Романовой, которую вы купили у нас?

– Просто я знала ее лично. И у меня сохранились хорошие воспоминания о ней...¹

Хозяин встретил ее «шутку» положенной улыбкой и вежливо погладил взглядом Катину золотую бабочку-брошь.

– Отменная вещь. Стрекозы и бабочки – два главных символа Модерна. Насколько я знаю, бабочки символизировали женскую душу... Но, боюсь, сегодня у вас есть соперница, – он улыбнулся, приглашая Катю взглядом налево.

У обитой темно-синим шелком стены, перед одной из выставленных на аукционе картин, стояла молодая огненноволосяная дама в маленьком черном платье. На ее шее висел, заключенный в нарочито простую оправу, неприлично огромный голубой бриллиант размером с голубиное яйцо. На при-

---

¹ О знакомстве Кати с Великой княжной Ольгой Романовой вы сможете прочесть в книге «Киевские ведьмы. Рецепт Мастера».

держивающей раскрытый каталог правой руке сияло кольцо с бриллиантом цвета утренней зари. Но больше всего Катю пленили ее серьги – десятикаратные бриллианты чистой воды.

До сих пор Катерина не увлекалась камнями, интересуясь сугубо магическим мастерством ювелирной работы. Но сережки огненной дамы произвели на нее странное воздействие. Рыжая стояла в профиль, и в данный момент Дображанская видела лишь одну серьгу – прозрачный сверкающий камень. Он смотрел прямо на Катю, как обращенный к ней глаз живого существа. И этого проникновенного взгляда было достаточно, чтобы понять – она влюбилась!

Получить их... Причем сейчас и немедленно! Купить за любую сумму, отдать за них все, что есть. Желание было слепящим, как вспышка света, острым, как желудочный спазм, – неуправляемым.

– Кто она? – хрипло осведомилась Катерина Михайловна. Ей казалось: она знает всех богатых людей страны и их жен. Но, видимо, ошибалась. Один розовый бриллиант на руке незнакомки тянул на миллионы.

– Виктория Сюрская. Человек мира, – представил хозяин. – Известная художница. Большую часть времени живет за рубежом. Ее картины покупают в Европе, в Америке... Несомненно, что-то в них есть. Возможно, она и впрямь гений... Ну а в промежутках между занятием живописью она меняет богатых мужей и бриллианты. Познакомить вас?

– Да... то есть нет, – преодолела соблазн Катерина.

В тот самый миг медноголовая дама повернула голову и Катя заметила, что бриллианты в ее серьгах отличаются по размеру: второй пусть и малозаметно, но все-таки меньше.

– Простите, не буду мешать вам заниматься другими гостями.

Сунув каталог в сумку, Дображанская подошла к небольшому застекленному стенду, демонстрирующему коллекцию дореволюционных открыток с полотнами Вильгельма Котарбинского. Она не лгала: живопись, в том числе и эпохи Модерн, не была ее профилем. И, выбирая подарок Маше, Дображанская еще не приняла окончательного решения.

– Если хотите знать мое мнение, – послышался презрительный мужской голос сзади, – Котарбинский – это Врубель для бедных.

Голос презрительного был Катерине знаком: на позапрошлом аукционе она увела у его обладателя, генерального директора банка, кофейный сервиз семьи Романовых.

– Взгляните, вроде бы все то же самое... Но Михаил Врубель был гением, а Вильгельм Котарбинский – нет.

И, поразмыслив, Катерина согласилась со своим неудачливым соперником. Разглядывая большеглазых Вильгельмовых девушек, муз, души цветов и русалок, она невольно вспоминала врубелевских див: Музу, Сирень, Царевну-лебедь. Фантастические темы, волновавшие их, были похожи, и девушки были порой так похожи, что какою-нибудь не са-

мую яркую работу Врубеля не знатоку можно было легко перепутать с сюжетом Котарбинского.

Катя загляделась на черно-белую открытку, изображавшую двух девушек-стрекоз с тонкими крылышками за спиной. На деву-волну, лобзующую труп утопленника. На разбившегося о землю мертвого ангела и обезглавленную красавицу, прекрасная голова которой висела у нее на руке, как жуткая сумочка... Котарбинский был, несомненно, талантлив. Но в том, верно, и разница между талантом и гением. Даже если твой гений, как гений Врубеля, засасывает душу в темную бездну.

Вот и еще вопрос: приятно ли Маше напоминание о Врубеле? Понравится ли ей такой печальный подарок? Или картина Котарбинского напомнит ей лишь о любимом Владимирском соборе?

– Впрочем, Вадим Вадимович может не беспокоиться, – продолжил презрительный директор за Катиной спиной. – Я точно знаю, кто это купит. Тот, кто подбирает весь мусор... если он в стиле Модерн.

Неудачливый соперник стоял слишком близко, чтоб не понимать – Дображанская слышит его. И его слова повернули ее мысли в иную сторону: «Любопытно... Он пытается унижить меня из-за прошлой обиды? Или унижить лот с дальним прицелом – чтобы купить “мусор в стиле Модерн” самому?»

Прижимая к груди полугодовалого сына, Маша Ковалева подошла к Владимирскому собору, поднялась по ступеням на крыльцо, обернулась...

Дунул ветер. Листья полетели так медленно, что на мгновение показались ей висящими в воздухе, – Киев получил расцветку в желтый листочек. В миг, когда она преодолела последнюю ступень, включилось солнце. Но в кронах деревьев университетского ботанического сада напротив гнезвился туман.

«К вечеру туман накроет весь Город, – подумала она. – Так и должно быть сегодня...»

– Иди сама, – сказал ей Мир Красавицкий. – Я подожду. Сегодня такой день. Ты должна помянуть его.

Помедлив, Маша отдала ему сына. Мальчик привычно обвил шею Мира двумя руками – как и многие дети, он чувствовал себя куда комфортней на руках у отца. Только Мир не был отцом ему...

– Миша еще слишком маленький, чтобы идти туда, – в голосе его матери звякнула неуверенность.

Она быстро повернулась к Миру спиной, не заметив, что даже здесь, на площадке перед собором, появление Красавицкого произвело обычный фурор. Часть выходящих и спешащих в храм светских богомолок застыли, напрочь забыв

про Бога при виде прекрасного, как языческий бог, темно-волосого и темноглазого юноши с голубоглазым и беловолосым малышом на руках.

– Не знала, что Мадонны бывают мужского пола, – сказала своей спутнице девушка в шифоновом платке с серебряными блестками.

– Я вообще не знала, что такие мужчины бывают, – отозвалась вторая. – И явно не голубой!.. А эта рыжая с ним, неужели жена? Ой, где она?

– Именем Отца моего велю, дай то, что мне должно знать, – вымолвила Ковалева и, сделав шаг, прошла сквозь столетие.

...Владимирский Собор был новым и ярким. Маша перекрестилась, купила две свечки, поставила к иконе и прочитала молитву, но не за упокой – за покой. Здесь, в конце XIX или в начале XX века, отец ее сына – Михаил Врубель – был еще жив.

Мир знал, что, перешагнув порог собора, Киевица перешагнет сто лет, оказавшись в Прошлом – в только-только построенном, открытом и освященном Свято-Владимирском. Но не знал, что она мечтает встретить здесь другого. И прося «дай то, что мне должно», надеется: Город сочтет должным дать ей час, когда расписывавший этот собор Врубель будет здесь.

Сейчас Маша почти не помнила своих смятенных чувств к нему – лишь знала, что когда-то любила его, и от этой люб-

ви появился их сын². Но с тех пор ей довелось прожить еще одну жизнь, обрести покой и мудрость... Мудрость и покой царили в душе до тех пор, пока ее шести с половиной месячный сын Миша не сказал в первый раз «Ма...». А еще не произнесенное «Па...» повисло в воздухе без адресата.

Сжимая вторую свечку в руках, Маша поднялась на хоры. С детства она любила любоваться храмом с «балкона» второго этажа – здесь всегда было тихо, покойно. Здесь она была с самым прекрасным в мире Владимирским собором один на один. Над головой сияло сотворенное Вильгельмом Котарбинским «Преображение Господне» – стоящий в яйце сверкающего света Иисус являл ученикам свою истинную небесную суть.

Она тоже преобразилась – стала иной, Киевицей, властительницей Вечного Города. И теперь подумала вдруг: «Как это странно...» Она могла разговаривать с Киевом, воскрешать мертвых, и сама умирала и воскресала, карала и миловала. Она дважды спасала мир, победила Змея... И любая загадка мироздания, над которой ломали умы сотни лет сотни мудрецов, казалась ей нынче простой в сравнении с вопросом... Кому мой сын должен сказать «папа»?! Миру? Или своему настоящему отцу? Стоит ли рассказать ему об отце, умершем за сто лет до его рождения? И должна ли она

---

² Об отношениях Маши с художником Михаилом Врубелем (1856 – 1910) читайте в книгах «Киевские ведьмы. Меч и Крест», «Киевские ведьмы. Принцесса Греза».

рассказать его отцу о сыне?

Больше всего Маше хотелось, чтоб на вопросы ответил кто-то другой, чтобы она почти случайно столкнулась здесь с Врубелем и не смогла не сказать ему правды...

Но на ее тайную просьбу Киев ответил ей «нет». Она не знала, какой нынче год и день, но точно знала, что в этот день Михаила Врубеля не было в соборе, – она ощущала его отсутствие всем телом. И оттого ей вдруг страшно захотелось поступить против воли Отца – по воле своей щелкнуть пальцем, увидеться с Мишей и открыть ему все...

«Именно так я и сделаю...» – Ковалева подняла повелительную руку, подняла глаза вверх, – ее взгляд ласково коснулся щедро изукрашенных стен. Врубель написал здесь только орнамент (единственную написанную им композицию «5-й день творения» заставили позже переписать Котарбинского!). Но теперь собор кичился его именем, и никто из историков не забывал помянуть: Владимирский расписывал не только Васнецов, Нестеров, Котарбинский, Сведомские, но и гений серебряного века – Михаил Врубель. Хотя на деле его эскизы не приняли. Да и не могли принять...

Маша вспомнила, что здесь, во Владимирском, ночью в крестильне сумасшедший гений нарисовал Божью Матерь с изуродованным лицом, с когтями, как у кошки, а потом закричал...

Ковалева вздрогнула: «Нет, я не хочу... не хочу, чтоб мой сын!..»

– ...Вы уже слышали? – раздался чей-то насмешливый голос. Два человека поднимались на хоры. – Она пришла в собор под черной вуалью. Никому не сказала ни слова. И вуаль не подняла... Так и ушла. Вот такая у него жена – никто ее лица не видел. Он ни с кем ее не знакомит. Ходит всюду как черный дух... Видно, его супруга – такая рожа, что стыдно людям показать. – Голос вдруг запел на разудалый бульварный мотивчик:

*Жена моя, красавица,
По улицам шатается.
Извозчики ругаются,
Что лошади пугаются...*

– Полагаете, она так дурна собой? – откликнулся его спутник.

– Что же еще? Ну, разве эта кузина и впрямь некий незримый дух... Как раз в его вкусе! – засмеялся рассказчик.

Они были совсем рядом, и, не желая встречаться с людьми, Маша щелкнула пальцами, чтоб вернуться в свой XXI век.

* * *

– Ты – Киевица! И все беды, происходящие в Киеве, имеют к тебе отношение. И если ты хочешь эту беду поиметь,

кто вправе запретить тебе? – поддержала Дашу Акнир.

Дочь предыдущей Киевицы и первая помощница Главы Киевских ведьм была рада ее приходу.

– Хочешь, – предложила юная ведьма, – приворожим сбежавшего отца тройни обратно? Выберем и сварим Присуху прямо сейчас...

– Присушим к жене! Землепотрясная мысль! – Чуб достала из сумки газету. – Правда, жена сказала, – она заглянула в статью, дабы убедиться в собственной памяти, – «... даже если он вернется назад, после такого поступка я его ни за что не приму». Но бабы обычно только так говорят.

– А если и правда не примет, – подпела Акнир, – будет ему по заслугам. Пусть присушенный всю жизнь вокруг бегаёт и все желания её исполняет. Так и вину искупит, и у детей всё же будет отец.

– Здорово, – настроение Чуб мигом улучшилось. Она кокетливо поправила на шее новый чёрный платок с черепами – на носу маячил Хэллоуин! – Ты правда-правда-правда думаешь, я могу это сделать?

– Ты – Киевица. Ты можешь всё, что не противоречит 13 Великим запретам.

– Ага, Киевица... – настрой Чуб вновь рухнул вниз. – Мы сегодня даже на Горе не дежури́м. Киев сказал Маше, что у нас отпуск... Две недели! Даже 14 дней. Выходит, он сделал ей отпуск в подарок ко дню рождения. А почему он не сделал отпуск ко дню рождения мне? Выходит, я хуже?

– Не о том заморачиваешься. – Акнир никогда не нужно было объяснять слишком долго. – Ты тут вообще ни при чем, и твоя Маша тоже. Дело не в ней, а в том, когда она родилась. 21 октября – на ваши Деды́.

– На наши... кто-кто?

– Деды́. Так слепые называют день поминовения усопших. Мы, ведьмы, называем их Бабы́ или Мамки. Вы празднуете их в ближайшую субботу к 21 октября. Мы в женский день – пятницу. Соблюдение обряда занимает 14 дней. А поддерживать хорошие отношения с родом очень важно – в любую минуту Киевице может понадобиться сила предков. Вот почему Город счел себя не вправе отвлекать вас...

– Отвлекать от чего? Что нужно делать?

– Сидеть дома, принимать гостей, угощать их ритуальной едой. Да не переживай, Василиса зайдет к вам сегодня и все расскажет про кормление Душечек.

– В смысле – хорошеньких девушек? – перестала понимать ее Чуб.

– Душечки – души милых тебе людей, – растолковала дочь Киевицы.

– Это такой древнеславянский языческий праздник?

– Не только славянский и не только языческий. Все отмечают его в конце октября – начале ноября, хотя и называют по-разному. Христиане празднуют родительскую Дмитриевскую субботу перед 26 октября. А древние кельты, как и современные люди, отмечали в ночь с 31 октября на 1 нояб-

ря. Только первые называли этот праздник днем мертвых – Самхейн. А вторые – Хэллоуином. Ты знаешь, в этот день в Америке дети переодеваются во всякую нежить, ходят по домам и клячат: «Trick or Treat!»

– «Проделка или угощение!»

– И не знаю, как американцы, а наши предки, славяне, точно знали, если на Бабы́ да Деды́ не угостить своих Душек, они устроят тебе дурную проделку. Обидятся на невнимание, нашьют на тебя хворь и тоску, беду на дом, падеж на скотину...

– На скотину? – вмиг запаниковала Даша. – А кошки считаются?

– Кстати, о кошках. На Мамки их удаляют из дома. Они не выносят ни духов, ни призраков, бросаются на них, как на мышь. Это инстинкт...

– Наши кошки уже ушли.

– Значит, к вам уже приходили...

– Белая Дама! – подорвалась Даша Чуб. – А мы ей вместо угощения – дулю. Что же теперь?

– Ничего. Я сказала, на исполнение обряда 14 дней и Василиса вам поможет. Вы ж все равно собирались готовить что-то на день рождения Маши. Кстати, – резко снизила пафос Акнир, – что ты ей подаришь?

– Еще не знаю...

– И я, – на этот раз обеспокоенной стала юная ведьма. – А я ведь Помощница Главы Киевских ведьм, я обязана принести дар Киевице. А Катя уже придумала?

– В процессе пока. Пошла на аукцион покупать картину художника, который расписывал Владимирский.

– Значит, сегодня аукцион «Libra». – Акнир открыла свой ноутбук.

– А ты откуда знаешь?

– А он у нас только один такого уровня...

Ведьма щелкнула мышкой, и Даша увидела на экране небольшой, заставленный стульями зал старинного особняка.

– Это че, онлайн? – восхитилась Землепотрясная. – О, смотри, смотри, в третьем ряду наша Катя! Вот стерва, какая она у нас все же красивая... А ты в курсе, – повернулась она к Акнир, – что ее мама красивой во-още не была. И папа, и бабушка с дедушкой тоже. А прабабушка – вообще типа уродина. Она одна такая в роду... Везет же некоторым!

– Или наоборот – не везет, – сказала юная ведьма.

* * *

– А сейчас два долгожданных лота, – объявил ведущий аукциона – облаченный в черный смокинг малоизвестный театральный артист с сединами «благородного отца», – Вильгельм Котарбинский – один из ярчайших символистов Модерна, – почти слово в слово продублировал он определение хозяина. – Поляк по происхождению. Окончил художественную Академию в Риме. Жил в Киеве. Участвовал в

росписи Свято-Владимирского собора. Особенно высоко искусствоведы оценивают его шестикрылых серафимов на хорах. Вместе с Павлом Сведомским написал «Суд Пилата», «Тайную Вечерю», «Распятие», «Въезд Господень в Иерусалим». Работы художника хранятся в Третьяковской галерее, Русском музее, Национальном музее в Варшаве. Однако, – «благородный отец от искусств» сменил темпоритм, – особой популярностью у публики Серебряного века пользовались его работы иного плана – полные магии, символов и фантастических видений. Отпечатанные в киевском издательстве «Рассвет» почтовые карточки с изображением мистических сепий летали по всей Империи. Коллекционеры открыток с его работами знают, что он часто переписывал один и тот же полюбившийся сюжет много раз, меняя лишь отдельные детали...

– То есть занимался самоплагиатом, – шепнул своей спутнице Катин соперник – и непосредственно на аукционе генеральный директор банка сел прямо позади Дображанской.

Помимо его дамы, Катерины, рыжей художницы и двух дочек богатых пап, женщин в зале не было – только мужчины. Все держали в руках круглые таблички с номером.

– Вильгельм Котарбинский был чрезвычайно плодовит, – продолжал «благородный» ведущий, – рисовал много и быстро. Потому точное количество созданных им работ не известно до сих пор. Киев постоянно открывает нам новые и новые чудные находки... С тем большим удовольствием

я представляю вам две никому не известные «жемчужины», найденные в городе совсем недавно. Лот № 22. Вариация на тему сюжета «В тихую ночь», начало XX века, бумага на картоне...

Милая девушка в черной юбке и белой блузе вынесла и поставила на возвышение небольшое полотно размером 34×68. Одновременно изображение появилось на киноэкране над головою ведущего. Катерина перевела взгляд на каталог аукциона.

Здесь новоявленная и не известная ранее работа «В тихую ночь» была опубликована рядом с известной – растиражированной в виде дореволюционной открытки издательства «Рассвет», Киев. Разница между двумя «ночами» была небольшой. И та, и другая представляли собой синее звездное небо над туманным озером. Из водного тумана выплывала облаченная в длинную светлую рубаху дева-душа. Ее принимал в объятия спустившийся с неба темнокудрый ангел. Профиль девы был обращен к нему. Губы ангела касались ее бледного чистого лба.

Но на открытке левая рука девушки плетью висела вниз, в то время как выставленный на продажу шедевр представлял туманную деву в другой позе – рука красавицы обнимала ангела за шею.

На строгий вкус Катерины Михайловны сюжет был нестерпимо слащавым, и она перевернула страницу, чтобы взглянуть на следующий лот – № 23. Вариация на тему «Ду-

ха Бездны».

Здесь все было наоборот. Ангел был женщиной с огромными черными крыльями, с обращенным в анфас страшным и прекрасным лицом – с суровым ртом и большими застывшими глазами. Прижимая к себе замершего от страха мужчину, Черный Ангел тянул его вниз – в черную расщелину скал. И что-то в этом сюжете зацепило Катю – некая сила, неподдельная вопиющая боль, кричащий ужас и страх. Черный Ангел понравился ей много больше – как работа он был неизмеримо сильней. Но Маше, влюбленной в темноволосых серафимов Владимирского, несомненно, скорей подходил напоминавший их Ангел Белый.

Тем временем аукцион начался.

– Начальная цена тысяча долларов, – оповестил ведущий. – Кто даст тысячу?

Блондинка в первом ряду быстро подняла номер – судя по возбужденному выражению лица, раздражавшая Катю душевно-ангельская сентиментальность «Тихой ночи» казалась ей воплощением высшего искусства, а розовое платье девы-души было точно такого же цвета, как шторы в ее спальне.

– Тысяча! – радостно подхватил ведущий. – Следующий шаг – тысяча сто, – надбавил он положенные десять процентов. – Кто его сделает? О, вот и тысяча сто...

Огненноволосая дама с голубым бриллиантом на шее махнула номером. Ее серьга сверкнула... И Катя забыла про торг

– забыла, зачем пришла сюда, забыла о празднике Маши, забыла даже о том, что этот бриллиант не ее... Алмазная се-режка смотрела на Катю, маня ее дивной чистотой родника. Взгляд бриллианта был таким пристальным, что Дображанская растворилась в нем, – камень словно оказывал на нее гипнотическое действие... Она очнулась только тогда, когда ведущий воскликнул:

– Двадцать пять тысяч. Кто даст больше? Следующий шаг – двадцать семь тысяч пятьсот. Вижу двадцать семь тысяч пятьсот!

Блондинка не сдавалась. Рыжая – тоже. Имелись и другие соперники. Одни демонстративно тянули руку вверх, иные, желавшие сохранить инкогнито до финала торгов, делая ставку, делали лишь еле заметное движение, видимое одному ведущему, и Катерина не могла понять, с кем еще она ведет торг. Но ей стало заранее жалко потраченных денег.

– Следующий шаг – тридцать тысяч...

Кто б мог подумать, что «самоплагиат» и «мусор в стиле Модерн» будет иметь такой спрос?

– Вижу... Тридцать тысяч! – сказал ведущий, ответив тем самым на заданный ею вопрос. Он смотрел прямо за спину Дображанской, туда, где сидел ее соперник – директор банка.

«И ты, Брут?..» – мысленно вздохнула она и качнула своим номером.

– Тридцать три... – седовласый ведущий аукциона не смог сдержать излишне жгучего взгляда на красивую Катю. И в

который раз ее красота немедленно вышла ей боком.

Стоило седовласому выдать ее, сидевший перед Дображанской долговязый и худой бизнесмен, известный взрывным и неуправляемым нравом, быстро обернулся к ней и прошептал:

– Кончай! А то посажу... Поняла?

От неожиданности Катя моргнула. Приняв моргание за знак согласия, тот удовлетворенно вернулся в исходную позицию.

«Он что, угрожает мне? Киевице?» – к щекам Дображанской прилила кровь.

– Тридцать шесть, – отреагировал ведущий на движение блондинки. – Сорок тысяч, – его взгляд опять полетел за спину Дображанской. – Сорок четыре, – взгляд переместился вперед.

Рыжая художница уже отпала. Но Кате надоело ждать – решительно сбросив с себя остатки бриллиантового гипноза, она встала и крикнула, нарушая все правила.

– Я даю шестьдесят! Есть желающие дать больше? – Рука Дображанской, украшенная кольцом с подавляющим волю алмазным цветком одолень-травы, подняла номер.

Возразить ей не смог никто. Со всех сторон на Катю полетели лишь недовольные взоры, гримасы и возмущенное шиканье. Блондинка в первом ряду полоснула ее обозленным взглядом, не скрывая обиды за угнанную картину, которую она уже никогда не повесит в своей розовой спальне. Спро-

вождавшая ее, не участвовавшая в аукционе шатенка, при-
совокупила неприкрытую ненависть – за изумительно краси-
вую Катину внешность, которой не будет обладать никогда.
Рыжая художница тоже посмотрела на Дображанскую, быст-
ро, но пристально, – и даже не на нее, а на ее брошь, кивнула,
словно по одной эмалевой бабочке-модерн определила всю
Катину суть, – и сразу отвернулась.

Видимо получив знак от хозяина, ведущий провозгласил:
– Шестьдесят тысяч – раз...

Взрывоопасный бизнесмен развернулся к Кате всем те-
лом. Его глаза кипели, тонкие губы змеились. Внезапно он
издал краткий невразумительный вскрик, порезавшись о ее
взгляд... В прямом смысле слова – по щеке мужчины потек-
ла быстрая кровь. Порез был коротким, но горячим, глубо-
ким. Кровь скользнула на белый воротник рубашки, пополз-
ла по груди. Мазнув рукой по щеке, бизнесмен ошарашенно
посмотрел на свою ладонь.

– Вы порезались, – сухо сказала Катя, не сводя с него став-
ших бездонными глаз. – Нужно быть осторожней. Так ведь
можно случайно порезать и горло.

«Кто ты????!!! – прочитала она ответный обезумевший
взгляд. – Ведьма!..» – Рука мужчины схватилась за шею.

– Пустите. Я порезался... запонкой, – быстро сказал он
соседу и спешно вышел из зала.

– Шестьдесят тысяч – три! Продано!.. – элегантно стукнул
молоточком ведущий. – Екатерине Михайловне Дображан-

ской.

Катя, в свою очередь, тоже обернулась, чтобы взглянуть на вновь поверженного соперника сзади – швырнула генеральному директору банка прямой насмешливый взгляд. Тот едва сдержал спазм, и она поняла, что в кармане у него покоилось ровно тридцать тысяч, но она вновь смешала ему все карты.

Внезапно в сердце у Дображанской опять закололо. По коже помчался озноб. Тело бросило в жар, кожа стала огненной.

«Что со мной? Я словно заболеваю...»

– Лот № 23, – бодро заявил ведущий, глядя на Катю так, точно стал ее персональным гидом по миру искусства. – Вариация на тему «Дух Бездны», начало XX века, бумага на картоне, соус. Вариант работы был опубликован в книге...

* * *

Черный Ангел с бездонными глазами-пропастями появился на экране ноутбука Акнир. Дашины глаза округлились, ресницы захлопали, нос зачесался:

– Ух ты!.. Как, по-твоему, за сколько Катя купит его?

– Хочешь перекупить? – смекнула помощница Главы Киевских ведьм.

– Ну, есть в нем что-то... Правда? Такое... у-у-у... страшное. А тебе не кажется, что Дух Бездны на Катю похож?

– Совсем не похож, – не согласилась Акнир. – Разве что взглядом... Иногда у нее бывает такой.

– Но на кого-то он точно похож! Я буквально только что видела этого человека... – нетерпеливо заерзала Чуб. – Может, там, на аукционе? – Даша приблизила нос к экрану, рассматривая публику.

– Начальная цена тысяча долларов, – сказал ведущий. – И я уже вижу тысячу...

Известный коллекционер в нарочито непрезентабельном свитере сделал знак, подмеченный только «благородным отцом» аукциона и камерой.

– Вижу тысячу сто... – сказал ведущий.

Катин соперник вступил в игру. Блондинка и рыжая остались неподвижны: для первой сюжет был слишком не розов и слишком жесток, вторая – по иным, ей одной известным причинам. Тем не менее, в мгновение ока сумма выросла как на дрожжах.

– Десять тысяч... Одиннадцать... Двенадцать... – едва успевал выкрикивать ведущий. Его взгляд метался меж нескольких горячих точек – ни коллекционер, ни генеральный директор банка не собирались сдаваться. Нашлись и другие желающие.

– Двадцать тысяч... Двадцать две...

Когда сумма перевалила за сорок штук, Катерина подумала, что, рассчитывая финансовые возможности своего соперника сзади, не учла одного – его хорошего вкуса. Очевид-

но, он просто не желал расставаться с деньгами ради сладкого ангела. Сейчас же, когда речь шла о стоящей вещи, он не скупился.

– Тридцать шесть... Нет, уже сорок... Сорок четыре... – немолодой ведущий запыхался, так быстро ему приходилось говорить... – Сорок восемь. Пятьдесят.

Ангел Бездны притягивал не одну только Дашу – в дивной скорости этих торгов звенела настоящая страсть.

– Пятьдесят пять... Шестидесят.

Зал затаил дыхание – бой за лот напоминал поединок на ринге: в каждой новой названной сумме звенела сила удара, и каждый мечтал убить новой ставкой соперника.

Катя услышала позади себя участвовавшее дыхание директора банка. Ощутила на шее его горячий взгляд... И вдруг угадала: это не страсть – это страстная месть. Мечь ей, Кате, – ее соперник специально набивает цену, чтобы она купила лот по наивысшей цене. Не сомневаясь: та, кто «собирает весь мусор, если он в стиле Модерн», все равно его купит!

«Ошибаешься, – равнодушно подумала Катя. – Я не собираюсь ее покупать...»

– Ну, купи, пожалуйста, купи ее! – взмолилась Чуб по другую сторону экрана. – А потом я как-нибудь накоплю и отдам...

– Шестидесят шесть, – сказал ведущий. – Семьдесят...

– Сволочь! – эмоционально воскликнула Даша. – Где я вам семьдесят тысяч достану?.. Можешь превратить его в

мопедный мотор? – повернулась она к Акнир. – Почему я должна платить столько?

– А почему в мотор?

– Потому что двойная польза. Мой как раз барахлит...

– Восемьдесят. Восемьдесят восемь. Девяносто пять.

Сто! – крикнул ведущий. – Сто тысяч – раз... Сто тысяч – два...

Коллекционер сдался последним. Прочие – сдали позиции еще на шестидесяти. Вдохновенно злое лицо соперника Кати увеличил экран. И едва ведущий выкрикнул: «Сто тысяч – три!» – в его взгляде впервые пропечаталась не только злость, но и страх.

– Продано! – произнес ведущий. – Анатолию Николаевичу Томину.

– Как продано? – дезориентировалась Чуб. – А Катя че?.. Не купила?

– Нет, – сказала Акнир.

– Почему?

– Как я понимаю, она покупала подарок Маше. Сама она не поклонница Котарбинского.

– Но ведь вторая картина лучше! Она мне больше понравилась!.. – Расстройству Даши не было предела.

– Но ведь это подарок не тебе, – резонно заметила дочь Киевицы.

Словно желая попрощаться с Землепотрясной, «Дух Бездны» появился на экране вместе с круглой ценой.

– Стой! Сделай стоп-кадр... Скопируй картинку! – заорала вдруг Чуб.

Акнир затарахтела по клавишам. Черный Ангел замер на экране. Землетрясная быстро схватила газету «Неизвестный Киев».

– Мама!.. Я знаю, на кого он похож... Посмотри!

Акнир посмотрела на указательный палец Чуб с обломанным ногтем, уткнувшийся в газетное фото под заголовком «Помогите найти» – темноволосую, большеглазую девушку с застывшим взглядом и суровым ртом. Затем перевела взгляд на пойманную монитором картинку.

– Дочь бизнесмена, которая спьяну убила отца... Скажи, что она похожа на Черного Ангела? – попросила Даша.

– Она не просто похожа, – сказала Акнир. – Похоже, что это она...

* * *

Выходя из обитого темно-синим атласом зала, Добжанская бросила на поверженного соперника сожалеющий взгляд – воинствующая, неискоренимая и саморазрушительная глупость слепых вызвали у старшей из трех Киевиц в последнее время неподдельную грусть о несовершенстве мира. В бездну директор банка вверг себя сам – и теперь застыл в кресле, будто купленный им «Дух» с лицом Горгоны обратил его в камень. Если в наличии у него имелось всего

тридцать штук, откуда взять еще семьдесят – представлялось большим вопросом.

Но намного сильнее Катерину беспокоила собственная внезапно обретенная способность. Обладать острым взглядом, острым без всяких фигур речи – удобное, но слишком опасное свойство, особенно если ты не в силах им управлять. Еще во время аукциона Катя отправила сообщение водителю с просьбой, чтоб тот купил ей очки с затемненными стеклами, хотя и не знала: спасет ли кого-нибудь их темнота.

– Всегда рады видеть вас, – задержал ее хозяин Аукционного Дома. – Признаюсь, сегодня вы удивили меня.

– Простите, что нарушила правила, – принесла свои извинения Катя.

– Я не был удивлен. Более того, я не сомневаюсь, что это больше не повторится...

Он тоже не удивил ее – Вадим Вадимович явно намеревался влюбиться в Катерину Михайловну, прекрасную, как столь любимые им великие произведения искусства.

– Но я был уверен, что вы предпочтете Небу Бездну. Предпочтете не белого, а черного ангела. Или приобретете обе картины.

– Последнее было б для вас предпочтительней, – усмехнулась Дображанская.

– Я не ожидал таких горячих торгов. Не думал, что Вильгельм Котарбинский вызовет подобный ажиотаж... Имя известное, но только любителям. Скажу по секрету у, в старой

киевской семье, где я нашел его сепии, хранилось не две, а три работы художника. Но с третьей владельцы не пожела-ли расстаться. И я понимаю их. Это магическая, ирреальная вещь. Она так и называется – «Тайна». Однако теперь, когда члены семьи получают такую серьезную прибыль, я полагаю, «Тайна» стане т гвоздем нашего следующего аукциона. Если, конечно, они эту прибыль получают... – хозяин озабоченно покосился на Катиного соперника. – Всегда, всегда жду вас, – послал он Катерине последний галантный кивок. – Не обязательно ждать аукциона, заходите почаще...

– Непременно зайду.

Дображанская вышла на улицу в смешанных чувствах. Сердце снова кольнуло. Неприятно. В остальном – она и сама не могла понять причин крайнего своего беспокойства. Ей страшно смотреть на людей? Жалко соперника или все-таки денег? Или жалко, что пришлось купить худшую картину вместо лучшей? Потому ее так растревожило упоминанье о третьей работе – возможно, она могла примирить Катин вкус и Машину любовь к серафимам... Стоило расспросить поподробней? Может, вернуться назад?

Ветер поднял желтые листья с земли и закружил их воронкой – она походила на Катино кружение чувств. Среди летящих листьев блеснула брошенная кем-то конфетная бумажка-фольга. Сердце пронзило иглой, и вместе с болью пришло понимание:

«Дело не в этом. Дело в серьгах художницы... Я хочу их

купить! Но не могу... Потому пытаюсь соврать себе, что не хочу и не думать о них».

Как и огненной даме, оценившей Катину брошь, Дображанской хватило и взгляда, чтоб понять – человек мира Виктория Сюрская такая же, как и она, фанатка, влюбленная в свои украшения, и просить ее продать их – бессмысленней, чем выпрашивать душу. Не исключено, что с душой она рассталась бы намного охотнее.

Катя точно нащупала причину печали – напряжение сменяла тоска, а перед взором всплыло ухо заезжей миллионерши – сережка, глядевшая на Катю живым человеческим зрачком. Чистейший бриллиант словно строил ей глазки... если эта Виктория Сюрская не продаст их ей!..

У Кати возникло бесконтрольное желание пойти и перерезать художнице горло. Забрать серьги силой... Призвать Силу Киевиц! Неодолимость желания испугала ее саму. Откуда такая кровожадность? Что происходит?..

«Даша права, я схожу с ума на почве драгоценностей. Это уже сродни наркомании. Но я хочу эти серьги! Я хочу их!» – по-видимому, она произнесла это вслух – и сразу услышала: – Опять драгоценности? И как ты еще не разорилась?..

У ее черного вольво стояли Даша Чуб и Акнир.

– Что вы здесь делаете? – Катя страшно обозлилась на Дашин балаболистый и острый язык.

– Ой, – вздрогнула та. – Я язык прикусила... так больно... До крови...

Катя испуганно наклонилась к машине – вышколенный шофер Гена мгновенно опустил стекло и протянул ей очки.

– Это че за маскировка? – не уразумела Землепотрясная.

– Глаза болят, – мрачно сказала Катя.

– О’кей, – Чуб достала из кармана газет у. – Помнишь вот это?

– Ты все еще носишься с этой гадостью? А вот от тебя, Акнирам, я подобного не ожидала, – пожурила ее Катерина.

Дочь Киевицы показала себя настоящей подружкой – склонилась низко.

– Как и любая из Трех, Ясная Пани Дарья всегда может рассчитывать на мою помощь, ибо кто я, чтоб сомневаться в выборе Города, который выбрал ее так же, как и вас, – сказала она и, быстро взглянув на Дашу, подмигнула ей правым, невидимым Кате глазом.

Дображанская скривила губы, скрывая, что жест Акнир произвел впечатление, – как бы она ни относилась к Чуб, та была одной из Трех и презирать ее означало презирать выбор Города.

– Дай сюда, – Даша вырвала каталог аукциона из Катиных рук и открыла на «Духе Бездны». – Видишь? Одно лицо! – Приложила она картину к газетному фото.

– Да, похожа... И кто она? – спросила Катя.

– Интересный вопрос, – хмыкнула Чуб. – А ответ написан тут же... Дух Бездны!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.